

предписано конфуцианским каноном, очень и очень немногие [4. С. 144].

В течение многих веков конфуцианство в Корее играло роль государственной идеологии и было своеобразным «стилем жизни». Поэтому, неудивительно, что образцы поведения цзюнь-цзы, «совершенного человека, и по сей день воплощаются в паттернах социально-политического поведения в странах конфуцианского цивилизационного региона. На наш взгляд, традиция ограничения, «увещевания» лидера является одним из тех факторов, которые положительно сказались на процессе внедрения в корейскую политическую систему западных норм и институтов, таких как конституция, парламент, политические партии. Следовательно, в иерархизированной системе, предполагающей руководство с позиций сильной политической воли, оппозиция может выступать как критик изъянов политического режима и политического руководства, препятствующий принятию решений, которые могут в перспективе нанести вред обществу и государству в целом.

Примечания

1. *Асмолов К. В.* Азиатские ценности как дорога к прогрессу: чем объяснить то, что рывок из третьего мира в первый сделали только страны, входящие в конфуцианский культурный регион?! Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность: Сборник статей участников X Московской научной конференции. Москва, РУДН, 28-29 мая 2009 г., 2009 [Электронный ресурс]: <http://makkawity.livejournal.com/1022860.html>

2. *Курбанов С. О.* Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб., 2007.

3. *Ibidem.*

4. *Торкунов А.В. и др.* История Кореи (Новое прочтение). М., 2003.

А. В. Логинов

к.ф.н.

УрГУ им. А. М. Горького

КЛАССИФИЦИРОВАТЬ ОБЩЕСТВА: МОДЕРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

В одном из своих «Девяти тезисов о будущем социологии» Э. Гидденс заметил, что долгое время под словом «общество»

социологи понимали прежде всего национальное государство. Национальное государство для социологии было удобным объектом изучения в силу его четких территориальных границ и относительной культурной однородности – по поводу такого объекта исследователю легче строить объяснительные схемы и обобщать эти схемы до уровня моделей. Понятно, что во второй половине XX века подобный «идеальный объект» все реже соответствует действительности, и этот факт вынудил Гидденса заявить о необходимости пересмотра социологами принятых «по умолчанию» настроек своего категориального аппарата [1]. Этот пример нужен нам для иллюстрации главного тезиса нашего доклада: мы полагаем, что вплоть до нашего времени существует тенденция к упрощению представлений о том, что такое «современное общество». Под этим словосочетанием мы будем понимать не факт одновременного здесь-и-сейчас существования разных обществ, а определенные субстантивированные характеристики, которые делают (в случае их наличия) или не делают (в случае их отсутствия) конкретное общество современным. Нам кажется очевидной связь этой на первый взгляд аналитической проблемы с процессом построения социальной типологии и сферой реальной политики. Действительно, оценить свое общество как «современное», «почти современное», «догоняющее» или «отсталое» ты можешь только за счет соотнесения с каким либо образцом современности (modernity), что подразумевает наличие типологии, в которой заданы сами критерии оценки. В случае перевода полученного результата в политическую плоскость мы либо начинаем процесс «модернизации» как попытку улучшить свои показатели, либо получаем право «учить модернизации» другие страны, если наши показатели оказались на высоте.

В этой связи мы полагаем, что в настоящее время опыт построения масштабных типологий нуждается в дополнительной критической ревизии, а модель модерности – в плюрализации. При этом понятно, что само наличие типологии является необходимым инструментом для теоретической работы – в нашем случае речь пойдет прежде всего об отношении самих наук к этим инструментам (абсолютизация схем, претензия на универсальность, игнорирование принципов двойной герменевтики в системе наука – повседневность). Поэтому в рамках доклада мы постараемся показать, каким образом наиболее влиятельные социально-философские типологии (формационный подход К. Маркса, типология Д. Белла) выводимы из

ситуации современности и как они повлияли на концептуальное оформление этой ситуации в модель, в дальнейшем из истории «выключенную».

Для подкрепления своих тезисов мы привлекаем две линии аргументации. С одной стороны, мы используем контекстуально значимые именно для нашей страны аргументы:

Во-первых, негативный опыт транзитологии как теории обществ «переходного периода» и критику этого подхода в современном российском философском дискурсе [2].

Во-вторых, дискуссию о «культурном барьере», который, по мнению многих авторов, мешает нашей стране модернизироваться «правильным образом» [5]. Эта дискуссия, на наш взгляд, важна тем, что указывает на преобладание технических параметров при планировании модернизационных процессов (в ущерб параметрам нормативным).

С другой стороны, мы используем ряд теоретических аргументов аналитического характера, направленных на описание и критику используемой «по умолчанию» модели модерности. К таковым мы относим:

Во-первых, концепцию многообразия модерностей Ш. Айзенштадта [8], концепцию переплетенных модерностей Й. Терборна [10] и понимание самой модерности как незавершенного опыта решения и интерпретации определенных проблематик у П. Вагнера [11].

Во-вторых, мы разделяем гипотезу о существовании монолитной модели модерности, элементы и подсистемы которой соединены, по выражению М. Б. Хомякова, метонимически: «Совершенно различные ценности в этом идеале (идеале политической модерности – А. Л.) видятся непротиворечиво связанными в нерушимое единство: свобода, равенство, толерантность, рациональность и, в конечном счете, цивилизованность просто и непосредственно подразумевают друг друга, так что выступать, против, скажем, равенства будет означать вести себя интолерантно, быть врагом свободы и рациональности, а значит – исключать себя из числа членов «цивилизованного человечества». В таком образе модерности нет интерпретативного пространства – все элементы единства столь плотно прилегают друг к другу, требуют друг друга столь непосредственно, что никакого места для интерпретации просто не остается. Конечно, столь тесная

связь элементов не может быть логической, это скорее метонимическая связность, – когда один элемент влечет за собой другой просто в силу рядоположенности, нахождения где-то поблизости» [7. С. 67].

В-третьих, мы используем исследования Р. Козеллека [9] и Ю. Хабермаса [6], описывающие модернность как принципиально открытый, незавершенный проект.

Перечисленные аргументы позволяют предположить, что сложившееся к настоящему времени представление об единственно верной модели модерности, ассоциативно закрепляемое за сторонниками однополярного мира, нуждается в деконструкции. Сейчас эта модель функционирует в качестве идеологического метронома, «настраивающего» типологии. В той мере, в какой будет обнаружено противоречие между входящими в эту модель подсистемами (экономика, политика, производство знания) и элементами (дискурсами), будут проблематизированы и типологии, выстроенные на этой модели или на какой-либо ее части.

Мы также полагаем, что сами типологии, будучи на данный момент линейными и закрытыми, будут погружены в исторический контекст и темпорализованы, что позволит рассматривать их как интерпретацию того или иного способа ответа на вопросы, поставленные модерностью. В свою очередь, осмысление модерности как опыта решения и интерпретации определенных задач в противовес пониманию модерности как эры и набора институтов в качестве правильных «ответов» позволит сделать сами критерии для типологий более гибкими, а прогнозирование – открытым. Плюрализация моделей модерности позволит рассматривать опыт «переживания» современности как самостоятельные попытки различных стран в соответствии со своей историей оформить свою констелляцию модерности в виде тех или иных институтов.

Тем не менее, понятно, что, если мы хотим классифицировать общества и некоторые из них назвать современными в том значении, о каком мы договорились в самом начале доклада, нам нужно обнаружить что-то общее и в самих «ответах». Идея относительно проста: сам вызов современности, специфицированный П. Вагнером и К. Касториadisом, еще не исключает «обратной» традиционализации обществ в качестве возможного «ответа». В рамках конструктивной части нашего исследования мы предлагаем построить типологию, позволяющую специфицировать общества

модерна посредством учета их пространственно – временных характеристик. Гипотеза заключается в том, что в детрадиционализированных обществах должны измениться как способ переживания и концептуализации времени, так и способ организации и объективации публичного социального пространства. Часть этой работы нами уже проведена [3. С. 4].

Примечания

1. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // Thesis 1993, Т. 1. Вып. 1. С. 57-82.
2. *Капустин Б. Г.* Современность как предмет политической теории. М., 2001.
3. *Логинов А. В.* Социальный хронотоп: идеологическая перспектива // Социемы. 2008. № 15. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2008. С. 42-63.
4. *Меньшиков А. С.* Теория модерности: очерк проблемного поля // Известия УрГУ. Серия 3: Общественные науки, 2010 №4 (83). Екатеринбург: Изд-во Урал Ун-та, 2010. С. 165-177.
5. Модернизация России. Доклады для 10 конференций. В 2 кн. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2009.
6. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2008.
7. *Хомяков М. Б.* Модерность: путь к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т.12. №2. С. 58-85.
8. *Eisenstadt, Sh. N.* The Civilizational Dimension of Modernity. Modernity as a Distinct Civilization // Intern. Sociology. 16 (3). 2001. P. 320–340.
9. *Koselleck R.* The Eighteenth century and the Beginning of Modernity // The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts / tr. by T. S. Presner. Stanford, 2002. P. 154–169.
10. *Therborn G.* Entangled Modernities // European J. of Social Theory. 6 (3). 2003. P. 293–305.
11. *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity, Cambridge: Polity Press. 2008

Д. С. Макаров
УрГУ им. А. М. Горького

ВЕРА В ВЕРУ

В данном сочинении мы бы хотели поделиться мыслями о том, как, по-нашему, воспринимается религия; рассмотреть отношение к ней со стороны научного общества и людей, непосредственно